

Структура доходов населения в 1994-1998 гг.

	1994	1995	1996	1997	1 кв.1998
Денежные доходы - всего	100	100	100	100	100
В том числе:					
оплата труда	46,4	37,8	40,5	40,2	47,9
социальные трансферты	13,5	13,1	14	14,8	13,1
оплата труда и социальные трансферты	59,9	50,9	54,5	55,0	61,0

В.В. Радаев

**ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОДХОДЕ К
РОССИЙСКИМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ**

Кризис - это не только потрясения и потери, но и возможность сделать шаг в сторону, попытаться посмотреть, что происходило, что происходит и (в какой-то степени) что может происходить.

В соответствии с самой простой схемой мы прошли через два крупных этапа, каждый из них заканчивался жестоким кризисом, который при этом не сметал всех свершений, но скорее менял доминанту, переводил стрелки в другую плоскость.

Первый этап, продолжавшийся с 1985 по 1991 год, называли перестройкой или временем Горбачева. Это был этап политической либерализации, его суть состояла в первую очередь в реконструкции советской политической и идеологической системы. И задача была более или менее успешно решена.

Наряду с этим происходили более или менее спонтанные изменения в экономике. Первый этап закончился путчем 1991 года и распадом Советского Союза.

Второй этап, который завершился на наших глазах в августе - сентябре 1998 года, обозначается как либеральные

реформы или время Ельцина. Его суть в экономической либерализации и реконструкции советской экономической системы. Он завершился жестоким экономическим кризисом, к которому добивались политические пертурбации как следствие экономической ситуации.

И сегодня всех нас интересует вопрос, - а что же будет дальше, и каков будет третий этап?

Я бы сказал, что, несомненно, острые финансово-экономические проблемы стоят сейчас в полный рост. Не совсем понятно, как они будут решаться, но в конечном счете и в основе своей следующий этап может стать и возможно должен стать этапом институциональных преобразований и институционального строительства.

Здесь уже упоминались необходимость реструктуризации предприятий, создания рыночной инфраструктуры, изменения политики (как государственной, так и корпоративной). Более или менее ясно, что если чуть-чуть кончить нынешний финансовый кризис, сразу обнажается его институциональная основа или, как говорила здесь половина выступающих вслед за профессором Полтеровичем, «институциональная ловушка».

Что это могло бы означать для экономической теории? Я решил буквально воспринять то, что написано в названии «Экономическая теория и реформы», и прямо этому следовать.

Я хотел бы отметить как минимум три вещи.

Первое. Для экономической теории это создает побудительные мотивы к выработке (или развитию, корректировке) альтернативных концепций рынка.

Нам нужны не споры о том, что лучше - государство или рынок и не отбрасывание более традиционных концепций под ругань и упреки, не разговоры о провалах и тупиках. Речь идет о попытке выработки и развития альтернативных концепций рынка как такового.

На чем основаны эти попытки? На предположениях, что рынок не есть зона свободного взаимодействия и обмена, что это не чисто саморегулирующийся механизм и не свод универсальных принципов, не зависящих от времени и национальных границ. Это означает, что рынок рассматривается в первую очередь как совокупность институциональных ограничений (как формальных, так и

неформальных), в которых разворачивается деятельность экономических агентов.

На неформальных ограничениях я хотел бы остановиться чуть подробнее. Институциональная переориентация наших взглядов на рыночную систему влечет много следствий. Одно из таких следствий связано с повышенным вниманием к неформальным ограничениям в экономике - нормам, конвенциям, деловым и хозяйственным сетям и т.д. Надо сказать, что интерес к ним сейчас действительно повышается. Это влечет за собой также пересмотр нашего отношения к т.н. «аномальным явлениям»: коррупции, нарушению деловых обязательств, уходу от налогов, силовым методам в экономике.

Об этом говорится очень много, но как говорится? В основном на уровне метафор: «криминальное государство», «экономика спекулянтов». А при этом полагается, что все это какая-то «гадость», а мы занимаемся экономикой. Нравится нам это или не нравится, но перечисленные явления и еще целый ряд явлений - по существу элементы «нормальной» (реальной) экономической среды. Они встроены в ткань хозяйственной жизни. И не должны ли мы превратить эти элементы в объект непосредственного изучения?

Второе. Формируются побудительные мотивы к выработке иных (корректировке) представлений об экономической роли государства. Все говорят об этом и зачем, казалось бы еще раз повторять? Не все ли здесь ясно? Мне кажется, что нет.

Значительная часть того, что говорится, касается вопросов: должно или не должно государство вмешиваться в экономику, регулировать или не регулировать цены, открывать или не открывать границы, вводить или не вводить те или иные налоги. При этом государство рассматривается как некий монолит, как единый субъект, который проводит некую политику или, хуже того, как инструмент в руках группы реформаторов, которым можно что-то советовать (или не советовать).

Между тем государство является центральным элементом институциональной среды, оно само представляет сложную совокупность институтов и организационных структур, пространственно и иерархически расположенных. И

представители государства, его агенты - те самые, которые собирают налоги, осуществляют надзор, разрешают или не разрешают доступ к ресурсам - проводят в жизнь свои собственные микрополитики. Достаточно одного приличного опроса предпринимателей, чтобы понять: государство никуда не уходило, оно активно влияет на жизнь предприятий, оказывает давление. Оно выдавливает эти предприятия как серые сегменты рынка. Более того, государство само активно участвует в неформальной экономике.

Много ли мы знаем об этой части экономических процессов? К сожалению, не так много, как хотелось бы.

И наконец, третье. Происходящая ныне институциональная переориентация экономической теории связана также с более тесной ориентацией на смежные дисциплины: экономическую социологию, психологию, политические науки. При этом речь идет не о какой-то дурной моде на междисциплинарность или простом расширении объекта исследований (привлечении к анализу социальных и психологических проблем) и не просто о фразеологии, потому что псевдопсихологическими и псевдосоциологическими терминами экономическая теория всегда была перегружена. Речь идет о содержательном знании того, что происходит в этих профессиональных областях, и использовании концепций и методов, которые там разработаны. И дело не в том, что в этих социальных науках все настолько благополучно. Совсем нет, не будем преувеличивать. Просто, видимо, есть некая логика развития самой экономической теории, которая постепенно меняет ее лицо и подталкивает к такому единению.

Д.С. Львов

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА В ФАРВАТЕРЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Экономическая наука России, как это ясно и из приведенных в настоящем сборнике материалов достаточно острого, на мой взгляд, обсуждения, и из всей драматической истории этой науки, всегда находилась и находится на переднем крае экономической мысли. Вряд ли есть хоть одно из современных направлений экономических исследований, неизвестное и невостребованное российскими учеными-экономистами. Но независимо от того, на каком фланге